

**Большой
Алтай**

**Н.Н. Серегин
С.С. Матренин
Т.С. Паршикова**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АЛТАЕ

Выпуск 1

Барнаул 2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР АЛТАИСТИКИ
И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

Н.Н. Серегин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АЛТАЕ

Выпуск 1

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

УДК 902/904(571.151)
ББК 63.4(2Рос-4Алт)
А 874

А 874 Археологические памятники эпохи Великого переселения народов на Алтае. – Вып. 1 / Н.Н. Серегин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет, НОЦ «Большой Алтай». – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025. – 36 с.

ISBN 978-5-7904-2982-8

Первый выпуск научно-популярной серии «Археологические памятники эпохи Великого переселения народов на Алтае» представляет материалы нескольких комплексов, расположенных в Чемальском районе Республики Алтай и демонстрирующих общие и особенные характеристики материальной и духовной культуры местных племен. Рассмотрены результаты исследований объектов булан-кобинской археологической культуры, выявленных на памятниках Чобурак-I, Усть-Бийке-III и Карбан-I.

УДК 902/904(571.151)
ББК 63.4(2Рос-4Алт)

*Издание подготовлено в рамках реализации проекта
«Тюркское наследие Большого Алтая:
единство и многообразие в истории и современности»*

ISBN 978-5-7904-2982-8

© Серегин Н.Н., Матренин С.С.,
Паршикова Т.С., 2025
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2025

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Великого переселения народов представляет собой одну из наиболее ярких и драматичных страниц в истории Евразии, ознаменовавшую переход от древности к средневековью. В современной науке понимание содержания и датировки данного периода существенным образом варьирует в зависимости от территории исследований [Буданова, Горский, Ермолова, 2011, с. 5–7]. Судя по имеющимся археологическим и письменным источникам, можно определенно утверждать, что в Азии эпоха Великого переселения народов началась раньше, чем в Европе. По мнению Н.Н. Крадина [2001, с. 5–6], именно азиатские номады запустили эти сложные процессы в конце I в. н.э., следствием чего стала «...гуннская инвазия в Европу». Согласно точке зрения В.В. Горбунова [2003, с. 4], в Восточной Азии эпоху Великого переселения народов следует отсчитывать с III в. н.э. – с распада крупных объединений кочевников хунну (215 г.) и сяньби (235 г.), а также империи Восточная Хань (220 г.), что вызвало серию миграций племен, которые к V в. н.э. совершенно перекроили этническую и политическую карту региона. На сегодняшний день закрепились тенденции к рассмотрению начального этапа эпохи Великого переселения народов для регионов степного пояса к западу от Урала примерно от середины II в. н.э., когда с территории Юго-Восточного Казахстана двинулась одна из ветвей распадавшегося хуннского союза племен, что привело к вторжению аланов в Восточную Европу, практически синхронному началу перемещения готов из Скандинавии в Крым (169–170 гг. н.э.) [Боталов, 2019, с. 17; Этнические взаимодействия на Южном Урале..., 2020, с. 5].

Большое значение для понимания этнокультурных и социальных процессов эпохи Великого переселения народов имеет интерпретация археологических материалов с территории Алтая, полученных в ходе раскопок памятников булан-кобинской культуры. Первые комплексы этой

общности были изучены уже более полутора столетий назад В.В. Радловым, исследовавшим серию захоронений данного периода у с. Катанда (ныне – Усть-Коксинский район Республики Алтай) и у с. Берель (ныне – Катон-Карагайский район Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан) в 1865 г. Наиболее интенсивные раскопки памятников булан-кобинской культуры осуществлены в конце XX – начале XXI столетий.

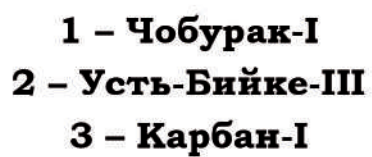
К настоящему времени в результате полевых исследований, проведенных экспедициями местных и центральных учреждений в разных частях Алтая, сформирована солидная источниковая база для изучения истории племен булан-кобинской археологической культуры. Она представлена, главным образом, материалами раскопок погребальных комплексов. На сегодняшний день более чем на 50 памятниках изучены около 900 захоронений, демонстрирующих общие и особенные характеристики материальной и духовной культуры племен Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. Судя по имеющимся материалам, население булан-кобинской культуры представляло собой весьма неоднородную общность, вероятно, включавшую несколько племен с разными историческими судьбами.

Данный выпуск открывает научно-популярную серию «Археологические памятники эпохи Великого переселения народов на Алтае». В ней будут представлены наиболее показательные комплексы – как полностью раскопанные объекты, так и выявленные, но пока еще не изученные сооружения, по совокупности признаков надежно относимые к данному периоду. Первый выпуск включает материалы трех некрополей, расположенных в Чемальском районе Республики Алтай – **Чобурак-I, Усть-Бийке-III и Карбан-I**. Эти памятники исследованы в разное время, а полученные результаты были полностью опубликованы в последние годы при непосредственном участии археологов Алтайского государственного университета.

**Карта распространения памятников
II в. до н.э. – V в. н.э. на территории Алтая:**

1 – Айрыдаш-I;	19 – Катанда-I;	37 – Туэкта;
2 – Аккол-I;	20 – Катанда-III;	38 – Тьткескенъ-VI;
3 – Балык-Соок-II;	21 – Кок-Паш;	39 – Тянгыс-Тьт;
4 – Балыктыюль;	22 – Кокса;	40 – Улита;
5 – Белый-Бом-II;	23 – Кок-Эдиган;	41 – Улуг-Чолтух-I;
6 – Берель;	24 – Коо-I;	42 – Урочище Балчи-
ко-3;
7 – Бийке;	25 – Кор-Кобы-I;	43 – Усть-Бийке-III;
8 – Бике-I;	26 – Курайка;	44 – Усть-Кожолу-II, IV;
9 – Боочи;	27 – Кызык-Теланъ-II;	45 – Усть-Муны-I;
10 – Бош-Туу-I;	28 – Кызыл;	46 – Усть-Эдиган;
11 – Булан-Кобы-IV;	29 – Кызыл-Джар-I;	47 – Чендек;
12 – Верх-Еланда-II;	30 – Майма-VII;	48 – Чоба;
13 – Верх-Уймон;	31 – Пазырык;	49 – Чобурак-I, II;
14 – Дялян;	32 – Сальдяр-II;	50 – Чултуков Лог-I;
15 – Кальджин-VI, VIII;	33 – Сары-Бел;	51 – Ябоган-III;
16 – Кам-Тьтугем;	34 – Семисарт-I;	52 – Яломан-II
17 – Кара-Коба-II;	35 – Степушка-I, II;	
18 – Карбан-I;	36 – Тете-IV;	

Сплошные горизонталы проведены через 50, 100, 200 метров

**Расположение памятников на карте
Чемальского района Республики Алтай**

ЧОБУРАК-I

Разновременный погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, к югу от с. Еланда, на правобережной террасе р. Катунь. Раскопочные работы на данном памятнике впервые были предприняты экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [Бородавский, 1994]. В 2007 г. изыскания на нем осуществлялись археологами Алтайского государственного университета [Семибратов, Матренин, 2008, с. 55–63, рис. 3–8; Кирюшин и др., 2010, с. 30–39, рис. 14–18], что было связано с необходимостью реализации охранно-спасательных мероприятий в зоне предполагаемого затопления водохранилища для планировавшейся гидроэлектростанции. В 2015 г. полевые исследования были

возобновлены Чемальской археологической экспедицией АлтГУ под руководством Н.Н. Серегина. Одним из важных результатов этих работ стал полностью раскопанный некрополь булан-кобинской археологической культуры, состоявший из 12 курганов. В погребальных объектах находились непо потревоженные захоронения, содержавшие материал, информативный для осуществления хронологических, этнокультурных и социальных реконструкций. Результаты раскопок полностью опубликованы в обобщающей монографии [Серегин и др., 2023].

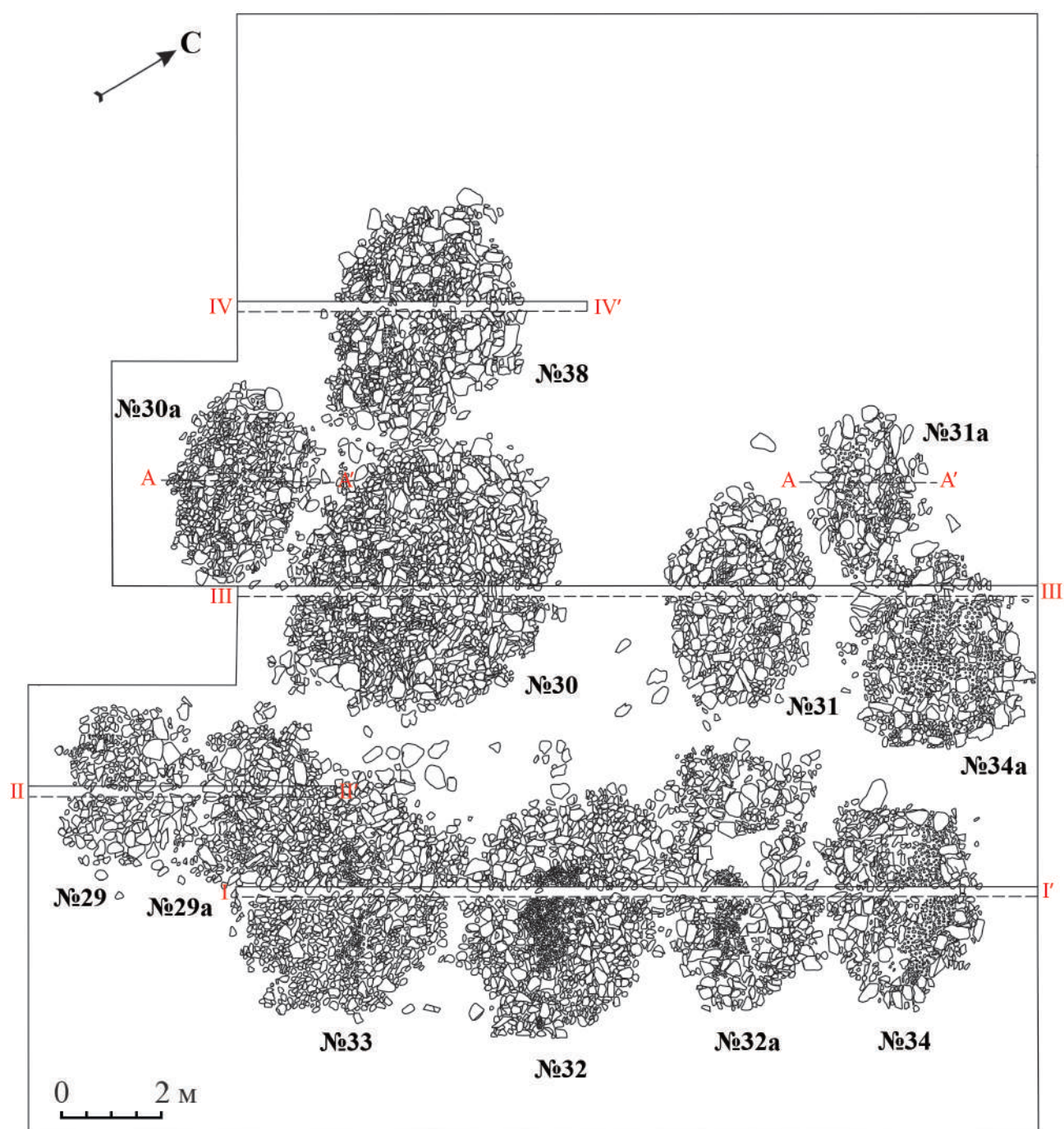
Насыпи курганов булан-кобинской культуры памятника Чобурак-I представляли собой плоские каменные наброски округлой или овальной формы (длина 3,2–6,2 м, ширина 2,2–5 м, высо-

та 0,3–0,5 м) с более крупными рваными камнями и валунами по внешнему краю, которые первоначально составляли крепиду, вытянутую длинной осью по линии юго-восток – северо-запад. Под этими сооружениями во всех случаях располагалась одна могильная яма вытянуто-овальной формы, ориентированная продольной осью с северо-запада на юго-восток, с плотной каменно-земляной забутовкой. В десяти объектах находились «длинные» (3–4,8 м) могилы глубиной около 1 м от уровня древнего

горизонта, содержавшие одиночные захоронения мужчин и женщин. Умершие были похоронены вытянуто на спине, головой ориентированы на северо-запад.

Выявлена определенная вариативность оформления семи погребальных камер, выполненных из дерева разной степени сохранности: в четырех курганах (№29, 29а, 30а, 34) находились конструкции в виде ящика или рамы из тонких жердей с продольным перекрытием; в курганах №30 и 33 сохранились выдолбленные из массивного ствола

дерева колоды, одна из которых имела ложе и крышку; в могиле кургана №32 расчищено деревянное ложе, перекрытое сверху тесом из широких пластин, снятых со ствола дерева. В остальных пяти объектах зафиксированы ямы без внутримогильных конструкций.

Особенностью обряда представителей локальной группы «булан-кобинцев», оставивших погребения на некрополе Чобурак-I, является присутствие в могилах всех взрослых мужчин и женщин сопроводительного захоронения верхового коня в юго-восточной части могильной ямы, уложенного в «в ногах» или поверх покойных и перекрывавшего до половины тела погребенного человека. Во всех случаях животные были обращены головой в одну сторону с умершими людьми

и размещались преимущественно на правом боку. В трех мужских и одной женской могилах рассматриваемого памятника в разных местах (у плеча, за головой, в области таза покойных) обнаружены остатки ритуальной мясной пищи

в виде костей мелкого рогатого скота (пояснично-крестцовая часть скелета овцы, реже лопатка, ребра), которая, вероятно, помещалась в деревянную посуду. В одном случае рядом с ней находился короткоклинковый нож.

Все захоронения оказались непогребенными и содержали останки двенадцати человек: ребенка 9–11 лет (курган №29); подростка 13–15 лет (курган №29а); трех женщин в возрасте от 20–25

до 40–50 лет (курганы №32а, 33, 34); семи мужчин от возмужалого (25–30 лет) до старческого (более 55 лет) возраста (курганы №30, 30а, 31, 31а, 32, 34а, 38). С умершими найдены многочисленные предметы сопроводительного инвентаря, среди которых идентифицированы разнообразные категории вооружения (восемь сложносоставных луков с костяными (роговыми) накладками, не менее 80 железных наконечников стрел, шесть

боевых ножей, три меча, железная панцирная пластина), снаряжения человека (17 поясных пряжек, не менее 90 поясных блях, три колчанных крюка-застежки, три ременных наконечника, семь «блоков», 11 креплений и застежек, распределитель ремней, восемь деталей плетей), конской амуниции (десять удил,

пять псалиев, не менее 12 пряжек от суголовий, 58 уздечных блях, два ременных наконечника, два распределителя, четыре тренчика, две металлические обкладки нагивника, 13 креплений-застежек, восемь подпружных пряжек, семь седельных кантов, шесть цурок), а также орудия труда (16 костяных (ро-

говых) наконечников стрел, 12 ножей, четыре шила, два пряслица), предметы быта (железный котел, костяной (роговой) гребень и косметическая щетка)

и украшения (пять серег, две большие нашивные пластины, 11 малых нашивных пластинок, восемь блях, четыре подвески, наконечник). Изучение обозначен-

ной серии вещей с учетом актуальных аналогий в археологических материалах Алтая и сопредельных территорий первой половины I тыс. н.э. дало основания для объективной датировки некрополя Чобурак-I.

По совокупности характеристик обрядовой практики могильник Чобурак-I относится к дялянской традиции погребального обряда населения булан-кобинской культуры. Ее ключевыми особенностями, наряду с показателями, получившими широкое распространение на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э., являются каменная насыпь небольшого размера с овальной выкладкой-крепидой; одиночная ингумация человека; ориентировка умершего головой на северо-запад; сопроводительное захоронение лошади, уложенной «в ногах» и поверх покойного.

Судя по имеющимся археологическим источникам, ключевым компонентом в генезисе дяльской погребальной традиции была группа пришлого населения, проникшая на Алтай еще в начале хуннского времени (III – начало I в. до н.э.) и по некоторым характеристикам обряда близкая кочевникам Восточного Казахстана. Дальнейшие исторические судьбы носителей дяльской традиции были связаны с существовавшим в Центральной Азии Жужанским каганатом. Во второй половине IV – начале V в. н.э. «дяляны» стали элитой общества кочевников Северного Алтая. Вероятно, во второй половине V – начале VI в. н.э. носители рассматриваемой традиции были включены в состав формировав-

шейся этнополитической общности тюрок. При этом отсутствие у последних практики размещения в могиле лошади в «ногах» или поверх человека демонстрирует определенную дистанцию в контактах с «дялянцами». Одним из результатов коренных изменений политической ситуации в Центральной Азии (ослабление жужаней и образование в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата) стало вовлечение элиты населения булан-кобинской культуры, среди которых, очевидно, были носители

дялянской традиции, в миграционный поток в западном направлении. Отражением данного переселения (в составе жужанской общности?) можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточноевропейских степях могил с лошадью и отдельными частями ее туши, уложенными в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенными в ногах покойных на разном уровне. Другую возможную линию истории носителей дялянской традиции позволяют наметить материалы раскопок археологических памятников раннего средневековья Алтайской лесостепи и предгорной зоны Алтая. Аргументом для ее обоснования являются объекты конца VI – VII в. н.э., раскопанные на некрополе Горный-10, а также погребения второй половины VIII – первой по-

ловины IX в. н.э. из памятника Иня-1, содержавшие «нестандартные» для тюрок захоронения с верховым конем.

В целом, предтюркское время оказалось наиболее важным этапом в истории носителей дялянской традиции погребального обряда, которые были вовлечены в сложные этнополитические процессы, происходившие в Центральной Азии и на обширных сопредельных территориях. Именно к этому периоду относится некрополь Чобурак-I, демонстрирующий недолгое существование локального коллектива кочевников. При этом, судя по имеющимся материалам, данный

комплекс является близким по времени (возможно, синхронным?) могильнику Дялян из Северного Алтая, с которым он обнаруживает поразительное сходство по большинству характеристик.

Несмотря на сравнительную немногочисленность, полученная серия археологических и антропологических материалов предоставляет основания для

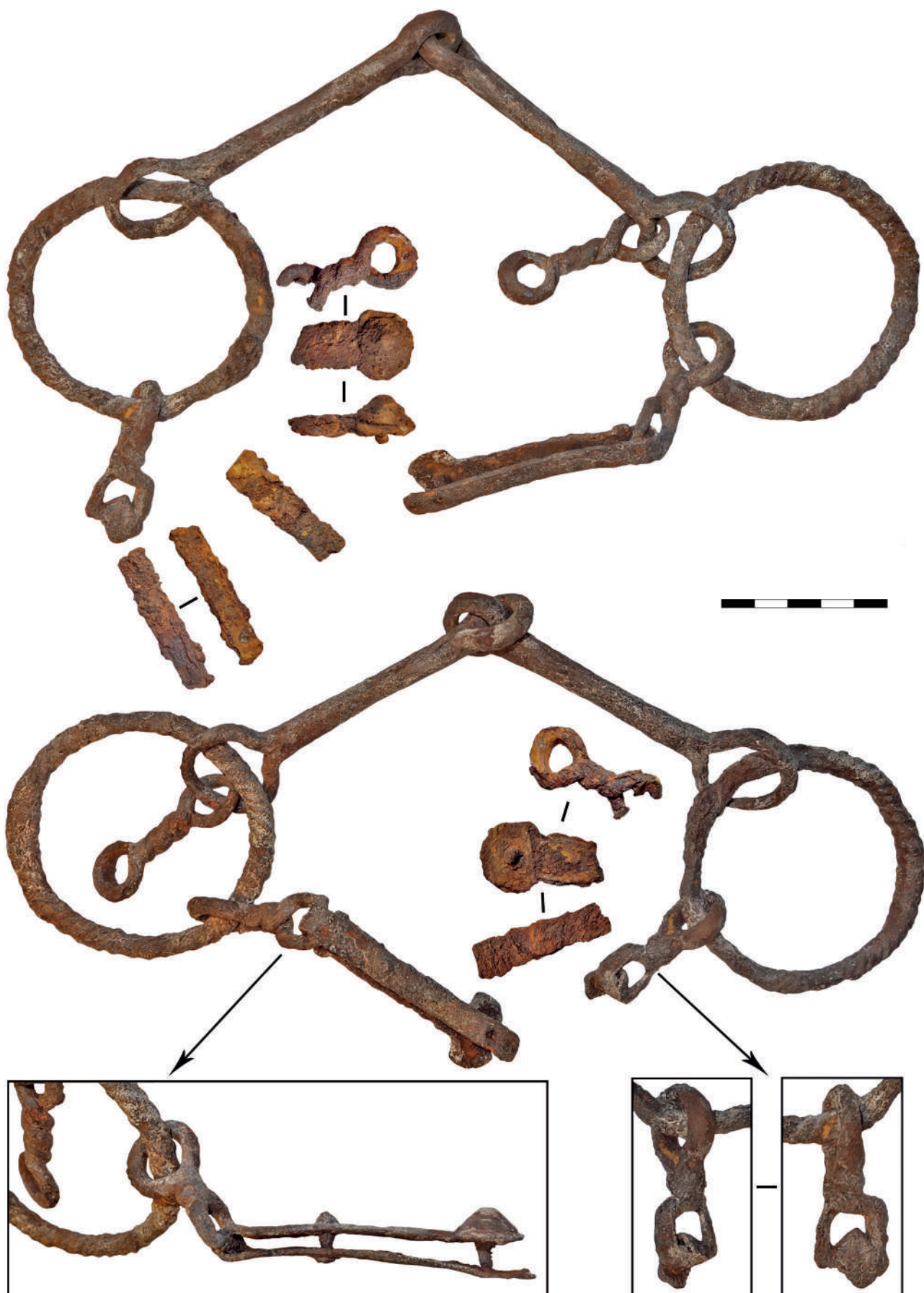

изучения некоторых аспектов социальной истории населения Северного Алтая в предтюрокское время. Судя по материалам раскопок комплекса Чобурак-I, средняя продолжительность жизни взрослых людей составляла 35 лет с незначительной разницей у мужчин (35,7 лет) и женщин (32,2 лет), что совпадает с показателями среднего возраста смерти представителей обоих полов, полученными на основе обобщенной выборки по погребальным памятникам Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Для мужской части рассматриваемой популяции характерно отсутствие индивидов моложе 25 лет. Можно сделать заключение, что пик смертности у мужчин приходился на пе-

риод с 30 до 35 лет. Отдельного упоминания заслуживает крайне редкий для населения булан-кобинской культуры случай доживания мужчины до возраста старше 55 лет, сохранившего, принимая во внимание состав инвентаря в рассматриваемом погребении, довольно высокий статус в обществе.

Важным фактором, оказавшим влияние на демографическую структуру локальной группы, оставившей некрополь Чобурак-I, было участие ее представителей в вооруженных конфликтах. Зафиксированные на скелетах троих мужчин множественные однотипные травмы

без следов заживления, нанесенные клинковым рубяще-режущим оружием (вероятно, мечом), а также иные смертельные раны демонстрируют высокий уровень вооруженного насилия на Алтае в эпоху Великого переселения народов, когда в связи с распадом державы сяньюби во второй половине III в. н.э. и обострением междоусобной борьбы за власть в IV в. н.э. отдельные коллективы «булан-кобинцев» могли стать участниками столкновений, в том числе с культурно/этнически чужеродным населением. Отдельно следует отметить крайне необычный случай декапитации человека из кургана №34а памятника Чобурак-I, при котором голова покойного была замещена черепом барана, имитировавшего единое целое с туловищем покойного. Данная чрезвычай-

ная манипуляция с телом умершего человека демонстрирует существование у «булан-кобинцев» комплекса действий (изготовление «маски-личины»), необходимых для осуществления полноценного обряда перехода умершего в «загробный» мир.

Археологические материалы памятника Чобурак-I подтвердили заключение о том, что главным маркером социальной стратификации населения булан-кобинской культуры Алтая выступал сопроводительный инвентарь. Установлено, что вариативность внутримогильных конструкций не была связана с полом и возрастом покойных, а размеры насыпей и глубина могил отражали различия между обрядом захоронения взрослых и детей. При этом определенно можно утверждать, что погребение с верховым конем являлось маркером обряда полноценных взрослых людей.

Результаты ранжирования предметов материальной культуры, а также обоснованные «социальные стандарты» погребальной практики (признаки, характерные для более чем 50% лю-

дей определенного пола, объектов, отражающие норму ритуала) позволили выделить несколько социальных групп погребений людей, похороненных на могильнике Чобурак-I.

Социальная стратификация мужчин нашла отражение в качественном и количественном составе предметов вооружения, снаряжения человека и верхового коня. Изучение взаимной встречаемости различных категорий изделий позволяет с известной долей условности выделить три социальные группы: военачальники или особо от-

личившиеся профессиональные воины (курганы №30, 30а, 38); профессиональный воин с высоким материальным достатком (курган №32); зажиточная прослойка рядового населения, представители которой в мирное время занимались животноводством и охотой, а в военный период выполняли функции легковооруженных ополченцев (курганы №31, 31а, 34а). Судя по наборам украшений и конского снаряжения, все женщины имели при жизни довольно высокий социальный статус. При этом покойная, похороненная в кургане №34 с оригинальными по оформлению декоративными элементами головного

убора и верхней одежды, а также с редкими уздечными гарнитурами, выделялась своим положением не только в рамках рассматриваемого локального коллектива кочевников, но и среди других групп населения Северного Алтая предтюркского времени. Выявлен «особенный» статус подростка 13–15

лет из кургана №29а, который определялся произошедшим формальным переходом данного индивида во взрослое состояние при сохранении некоторых ограничений, обусловленных отстав-

нием его физического развития. Необычность этого захоронения подчеркивается сочетанием типично «мужских» и «женских» категорий сопроводительного инвентаря.

Сравнение результатов социальной интерпретации материалов погребального комплекса Чобурак-I, в том числе вычисленного показателя индивидуального и группового индекса статуса мужчин, с другими памятниками булан-кобинской культуры позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый могильник оставлен представителями местной элиты кочевников Северного Алтая в предтюркское время (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.). Исследованный некрополь отражает существование небольшого, но при этом весьма монолитного коллектива и включает, вероятно, захоронения близких родственников. Возможности детализации различных аспектов истории группы кочевников, оставивших погребения на могильнике Чобурак-I,

связаны с продолжением междисциплинарного изучения полученных данных, в том числе с палеогенетическими исследованиями, предполагающими привлечение широкого круга материалов.

Анализ обнаруженных предметов позволит установить время формирования некрополя Чобурак-I в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения Алтая. Данное заключение в целом согласуется с полученными результатами радиоуглеродного датирования серии из 26 образцов. Принимая во внимание небольшое количество захоронений, значительное единообразие погребального обряда и сопроводительного инвентаря, а также зафиксированные случаи насильственной смерти мужчин в вооруженных конфликтах, можно сделать вывод о функционировании данного комплекса в течение непродолжительного периода (менее 30 лет).

Таким образом, результаты изучения некрополя Чобурак-I предоставляют основания для обозначения его в качестве одного из эталонных памятников предтюркского времени, материалы которого имеют большое значение для реконструкции различных аспектов истории кочевников Алтая, и в том числе носителей дялянской традиции погребального обряда. Полученные в ходе разноплановой интерпретации новых археологических источников данные расширяют и конкретизируют сложившиеся представления о характере этнокультурных и социальных процессов, происходивших на рубеже древности и раннего средневековья, а кроме того, демонстрируют дальнейшие перспективы осуществления междисциплинарных исследований, в том числе биоархеологических реконструкций по материалам могильников булан-кобинской культуры.

Усть-Бийке-III

Археологический комплекс расположен в Чемальском районе Республики Алтай, в 6,5 км на юго-восток от с. Еланда, в долине р. Бийке, на склоне у подножия третьей надпойменной террасы Катунь. До исследований памятник включал не менее 12 объектов различных хронологических периодов. Наземные сооружения были сильно задернованы и очень слабо выделялись на поверхности. Один из курганов (№4), относящийся к эпохе Великого переселения народов, исследован Бийкенским археологическим отрядом Алтайского государственного университета под руководством А.А. Тишкина в 1997 г. Материалы раскопок данного объекта опубликованы [Тишкин, Горбунов, 2005].

Исследованный курган имел плоскую, сползшую по склону наброску мощностью до 0,1 м, которая перекрывала могильную яму прямоугольной формы глубиной 0,69–0,78 м от уровня древнего горизонта, с «запличиками» по периметру и установленными у торце-

вых стенок каменными плитами, имитировавшими ящик. В ходе работ выявлено захоронение мужчины в анатомическом порядке, уложенного на спину с небольшим завалом на левый бок и ориентированного головой в западном направлении. С умершим обнаружены роговые накладки сложносоставного лука, железные и костяные наконечники стрел, боевой нож, поясные пряжки, бронзовые пластины, железные удила, шило, нож, роговой блок, костяная трубочка, каменные оселок и бусина.

Достаточно редкой чертой исследованного комплекса является то, что он представляет собой одиночный погребальный объект булан-кобинской культуры. На сегодняшний день такой вариант планиграфии кроме некрополя Усть-Бийке-III выявлен в процессе изучения всего двух памятников – Верх-Еланда-II (курган №1), Семисарт-I (курган №18). Весьма необычными признаками захоронения выступают конструкция могильной ямы с уступами-запличиками по пери-

метру, а также ориентировка покойного головой на запад-юго-запад. При объяснении последнего показателя необходимо учитывать, что фиксируемое на памятниках булан-кобинской культуры направление умерших людей по сторо-

нам горизонта было связано с движением солнца, а смещение от широтного направления к югу, возможно, обусловлено совершением похорон в летне-осенний период.

Зафиксированные элементы погребального обряда рассматриваемого кургана №4 памятника Усть-Бийке-III (небольшая каменная насыпь овальной формы, вероятно, с разрушенной с выкладкой-крепидой в основании; неглубокая и узкая яма; одиночная ингумация умершего человека с ориентировкой головой в западный сектор без сопроводительного захоронения лошади) свидетельствуют о его принадлежности к карбанской традиции обрядовой практики, отражающей существование наиболее многочисленной группы населения эпохи Великого переселения народов в Северном Алтае. Судя по имеющимся материалам, захоронения с таким набором признаков составляют свыше трети от всех раскопанных в данном регионе объектов II в. до н.э. – V в. н.э.

Обнаруженный в захоронении из кургана №4 некрополя Усть-Бийке-III сопроводительный инвентарь оказался достаточно информативным для определения датировки данного комплекса.

Наиболее разнообразные сведения дает изучение предметов вооружения, представленных луком, стрелами с железными наконечниками и боевым ножом. Сложносоставной лук с семью роговыми накладками, судя по присутствию срединных боковых пластин с дуговидным абрисом, относится к модификациям, получившим распространение у разных народов Северной, Центральной и Средней Азии, в том числе у «булан-кобинцев», во II–V вв. н.э. При этом кочевники Алтая могли использовать их до начала VI в. н.э. Несмотря на равную длину концевых накладок, рассматриваемый образец лука имел более длинное верхнее плечо деревянной кибиты. Судя по широкому использованию многими народами восточной Евразии, такие изделия являлись эффективным средством ведения дальнего боя, а также орудием охоты. Весьма показательными являются железные черешковые наконечники стрел

с различным оформлением поражающей части, демонстрирующие развитый комплекс оружия дальнего боя, сочетающий в себе местные и пришлые традиции военного дела кочевников эпохи Великого переселения народов. Отметим трехгранный наконечник с треугольным пером и цилиндрическим упором, который относится к числу бронебойных, использовавшихся на короткой дистанции. Появление таких изделий у племен Алтая может демонстрировать влияние кенкольского комплекса вооружения во второй четверти I тыс. н.э. Железный длиннорезный нож с наклоненным в сторону лезвия череном для рукояти имеет ранние актуальные для датирования аналогии в археологических памятниках хунну

(II в. до н.э. – I в. н.э.) и сяньби (конец I – III в. н.э.). На Алтае подобные ножи получили распространение со II в. н.э., вероятно, под влиянием позднихуннской или раннесяньбийской военной традиции и стали наиболее используемым средством ведения рукопашного боя во II–V вв. н.э. Важно отметить, что данные предметы вооружения являлись у населения булан-кобинской археологической культуры социально престижным элементом погребального инвентаря и почти всегда присутствовали в захоронениях профессиональных воинов.

К воинской экипировке относятся две железные поясные пряжки с под-

вижным язычком. На Алтае пряжки с таким способом фиксации ремня получили распространение под влиянием хунну, по-видимому, не ранее второй трети II в. до н.э. Экземпляр без щитка с овальной в плане рамкой относится к числу наиболее широко встречающихся элементов снаряжения, известных у населения булан-кобинской культуры в период со второй половины I в. до н.э. до V в. н.э. Поясная пряжка, оснащенная подвижным щитком в виде пластины-полуобоймы, присоединяющейся к ремню с помощью штифтов, входит в круг ремennых гарнитур, появившихся на Алтае под влиянием позднихуннской и раннесяньбийской материальной культур во II в. н.э. Такие застёжки пользовались наибольшей популярностью у населения Алтая и сопредельных территорий до середины I тыс. н.э.

В погребении памятника Усть-Бийке-III обнаружены несколько костяных наконечников стрел с черешковым насадом. Такие предметы многими

специалистами традиционно интерпретируются в качестве элементов охотничьего инвентаря, хотя хорошо известно, что они могли использоваться и в ходе вооруженных конфликтов.

В рассматриваемом комплексе не было захоронения лошади, но при этом фиксируются предметы конского снаряжения – крайне редкая черта для памятников эпохи Великого переселения народов на Алтае. Одним из таких изделий были железные удила с соединенно-крюковыми звеньями, имеющими мало-крючные окончания. Похожие элементы узды встречаются в булан-кобинских памятниках второй половины IV – V вв. н.э. Достаточно редким образцом снаряжения верхового коня является роговой блок с двумя отверстиями. Данный предмет имеет наиболее точную аналогию на Алтае в материалах комплекса Яконур

[Серегин, Матренин, Марсадолов, 2025]. Близкие по оформлению изделия зафиксированы в неопубликованных материалах погребальных комплексов булан-кобинской культуры второй половины III – V вв. н.э.

Каменный оселок-точило и железное четырехгранное шило относятся к универсальным орудиям, использующимся особенно широко в кожевенном произ-

водстве. При изучении памятников эпохи Великого переселения народов на Алтае отмечено, что такие предметы входили почти исключительно в состав погребального инвентаря мужчин, имевших разный статус при жизни. Костяная трубочка, судя по имеющимся материалам, использовалась как рукоять плети (нагайки), в которую пропускался кожаный ремень, завязывавшийся с двух ее концов узлами. В известной серии материалов булан-кобинской археологической культуры аналогичные изделия в виде узкого цилиндра с одинаковой шириной концов характерны для II–V вв. н.э.

Изучение сопроводительного инвентаря из погребения позволяет определить датировку кургана №4 памятника Усть-Бийке-III периодом не ранее середины – второй половины IV вв. н.э. и отнести к позднему этапу булан-кобинской археологической культуры. Достаточно редкой является локализация данного объекта в непосредственной близости от погребальных сооружений ранних тюрок, которые были расположены на этой же площадке.

КАРБАН-I

Разновременный археологический комплекс Карбан-I расположен на левом берегу р. Катунь, в 0,4 км на север от устья р. Карбан, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай. Памятник выявлен в 1983 г. сотрудником Алтайского государственного университета М.Т. Абдулганеевым при осуществлении рекогносцировочных исследований в зоне предполагаемого водохранилища проектировавшейся Катунской гидроэлектростанции. В 1989–1990 гг. серия объектов данного комплекса была раскопана участниками археологической экспедиции Барнаульского государственного педагогического института (ныне – Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина.

В течение двух полевых сезонов были вскрыты 22 кургана булан-кобинской археологической культуры. Среди них преобладали непо потревоженные захоронения, демонстрирующие характерный погребальный обряд и довольно информативный вещественный комплекс. Важно подчеркнуть, что, в условиях аварийного характера полевых работ максимально скрупулезно велась полевая документация и обстоятельно фиксировался процесс изучения объектов.

Несмотря на репрезентативность некрополя Карбан-I, по ряду причин долгое время опубликованные сведения о погребениях булан-кобинской культуры ограничивались кратким предварительным сообщением [Контев, 1991]. Только несколько лет назад при участии археологов Алтайского госу-

дарственного университета была подготовлена серия статей и обобщающая монография, в которой осуществлено полное издание материалов саяно-бийского периода в контексте современных представлений о памятниках эпохи Великого переселения народов [Серегин и др., 2022].

Изучение таких показателей, как планиграфия объектов, околочурганские конструкции, наземные и внутримогильные сооружения и способ захоронения, позволяет определить общие и особенные характеристики некрополя Карбан-I относительно других известных памятников булан-кобинской культуры Алтая. Зафиксированные элементы погребального ритуала (расположение объектов рядами; невысокая насыпь овальной формы с крепидой из крупных камней; неглубокая могильная яма с отвесными стенками; камера в виде каменного ящика; одиночная ингумация человека без лошади; ориентировка умерших головой в западный сектор горизонта с отклонением на север; положение покойно-

го вытянуто на спине) свидетельствуют о принадлежности рассматриваемого комплекса к карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры. Ее носители составляли одну из групп кочевников Алтая, проживавшую в регионе на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Судя по имеющимся материалам, в формировании данной традиции приняли участие местные непазырыкские племена скифо-сакского времени и кочевники из периферийных с Алтаем районов Восточного Казахстана и Тувы, продвинувшиеся оттуда в глубь Алтайской горной страны в связи с экспансией державы хунну в северные области Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н.э. Не исключено, что среди них были потомки скотоводов раннескифского времени, когда-то вытесненных из областей своего основного проживания «пазырыкцами». Установлено, что «карбанцы» количественно преобладали в Северном Алтае во II – первой половине IV в. н.э. В этносоциальной стратификации скотоводов Алтая они

в целом занимали невысокое положение, но при этом находились в тесном взаимодействии с другими группами «булан-кобинцев». Учитывая единообразие погребального обряда, имеются основания для предположения о том, что некрополь булан-кобинской культуры на памятнике Карбан-I, вероятнее всего, был оставлен небольшой общиной скотоводов, состоявшей из нескольких родственных семей.

Корреляция данных, полученных археологическими методами, с результатами радиоуглеродного анализа одиннадцати образцов позволяет установить датировку объектов комплекса Карбан-I в рамках раннесаянбийского периода (II – первая половина III в. н.э.), что соответствует начальной стадии бело-бомского этапа булан-кобинской археологической культуры. Судя по всему, некрополь функционировал в течение относительно

непродолжительного промежутка времени (вероятно, не более 70 лет).

Принимая во внимание неполную изученность рассматриваемого комплекса захоронений булан-кобинской

культуры, можно сделать ряд предварительных заключений относительно социальных аспектов жизни данной группы населения. Зафиксированные антропологические материалы, представленные

останками восемнадцати человек (одиннадцать мужчин, три женщины, три ребенка, один взрослый индивид с неустановленным полом), демонстрируют среднюю продолжительность жизни похороненных на могильнике Карбан-I взрослых людей в границах 39,3 лет, с незначительной разницей среднего уровня смерти мужчин (39,6 лет) и женщин (38,3 лет). Несмотря на относительно «благополучные» условия системы жизнеобеспечения скотоводов, оставивших некрополь, документирован случай насильственной смерти мужчины из кургана №14, наступившей в результате использования оружия и охотничьего инвентаря. Зафиксированная ситуация свидетельствует о возможном столкновении «карбанцев» с культурно (этнически) чужеродным населением.

Особую группу объектов памятника Карбан-I составили «пустые могилы». Идентифицированы четыре таких сооружения, которые были расположены на территории некрополя в разных местах. Установлено, что они могли находиться рядом с захоронениями взрослых людей разного пола, примыкая к ним вплотную, либо были пристроены насыпями. По особенностям наземной конструкции обозначенные объекты были аналогичны полноценным погребальным сооружениям, отличаясь от них меньшими размерами, сопоставимыми с курганами, содержащими захоронения детей. Осуществленный анализ материалов позволяет предложить два варианта интерпретации таких комплексов. В соответствии с одной из версий они являлись «миниатюрными» кенотафами, возведенными для взрослых людей и детей. С другой стороны, подобные сооружения можно рассматривать в качестве символиче-

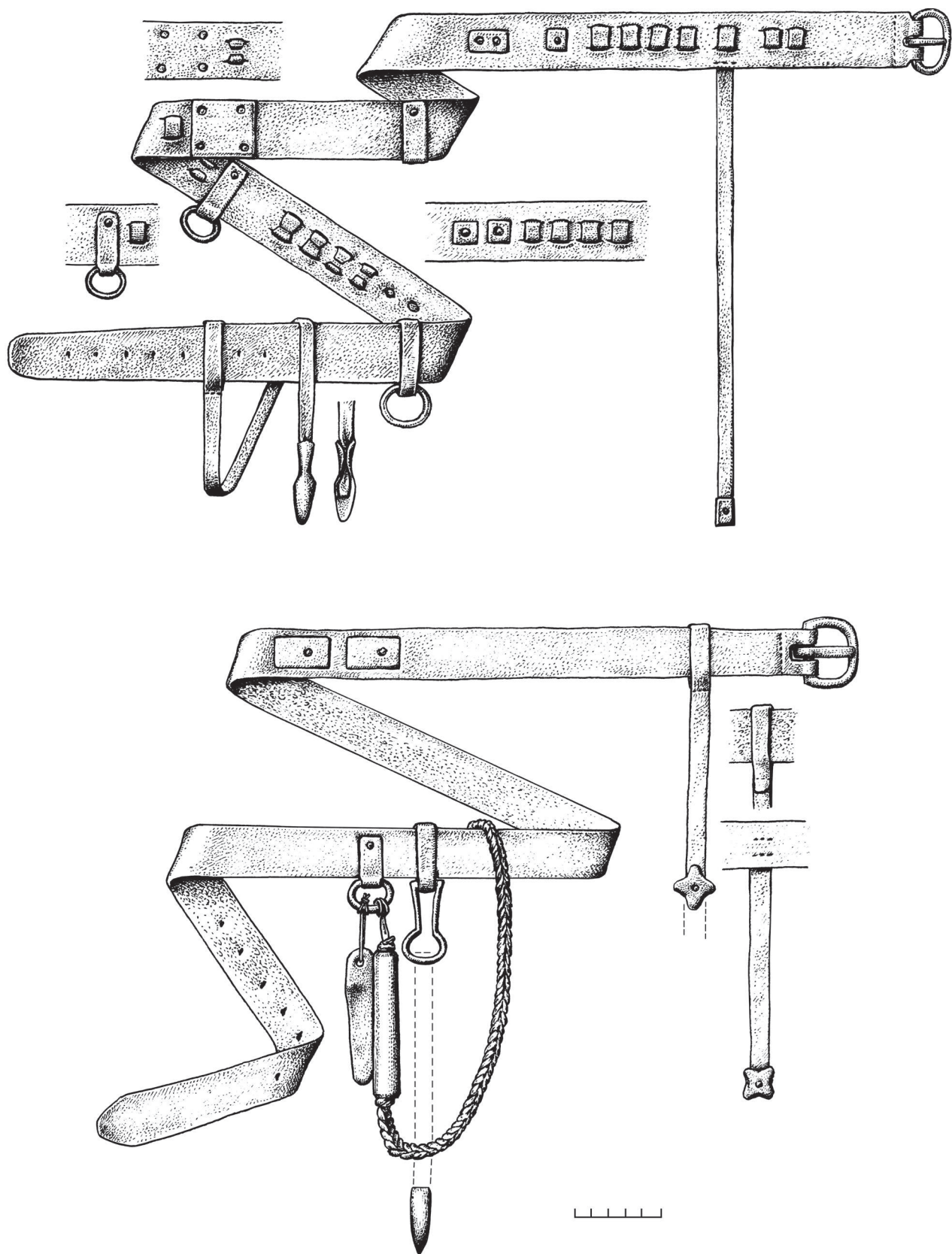
ских захоронений детей, умерших, например, во время родов или в результате какого-то несчастного случая, когда тело ребенка было утрачено. Выбор одной из этих точек зрения затрудняет отсутствие в курганах информативного сопроводительного инвентаря, а также локализация, не демонстрирующая их преимущественную связь с мужскими, женскими и детскими могилами.

В результате раскопок большинства «стандартных» объектов некрополя булан-кобинской культуры на памятнике Карбан-I обнаружен довольно разнообразный сопроводительный инвентарь, включавший несколько категорий изделий: вооружение, снаряжение человека, орудия труда, предметы быта, украшения.

Предметы вооружения найдены в пяти мужских захоронениях и представлены средствами ведения дальнего (луки, стрелы с железными наконечниками) и ближнего (ножи, кинжал) боя. Судя по имеющимся материалам, данный комплекс боевых средств был ориентирован на эффективное противостояние со слабо защищенным противником и соответствовал легкой коннице и пехоте. В его составе присутствовали как уже

ранее известные (хуннские), так и новые (местные) модификации наступательного оружия. По своему разнообразию и уровню развития этот набор предметов значительно уступал воинским арсеналам хунну и сяньби, а также вооружению «булан-кобинцев» конца III – V в. н.э. В целом, такой состав вооружения отражает начальный этап эволюции комплекса боевых средств населения Алтая в первой половине I тыс. н.э.

Одной из показательных групп предметов, обнаруженных в объектах некрополя Карбан-I, являлись наборные пояса. В ходе раскопок найдены металлические детали от шестнадцати комплектов, представлявших собой важную часть костюма мужской части населения. Наиболее сложным и оригинальным был наборный пояс из кургана №11, оснащенный пряжкой, тринадцатью бронзовыми бляхами-обоймами, пятью железными бляхами-накладками, двумя железными бляхами-полуобоймами, в том числе с подвижным кольцом. К его правой половине присоединялся длинный подвесной ремешок с бронзовой бляхой-накладкой. К левой части пояса крепились два подвесных ремешка, к одному из которых фиксировался же-

лезный «блок», а к другому – бронзовый ложечковидный «наконечник-подвеска». Максимальная ширина пояса составляла 3,5 см. Ремень пропускаясь в приемную прорезь слева направо. В погребениях

булан-кобинской культуры Алтая такой пояс найден впервые.

Комплекс орудий труда из объектов некрополя Карбан-I включал как широко встречающиеся (ножи, плети), так и до-

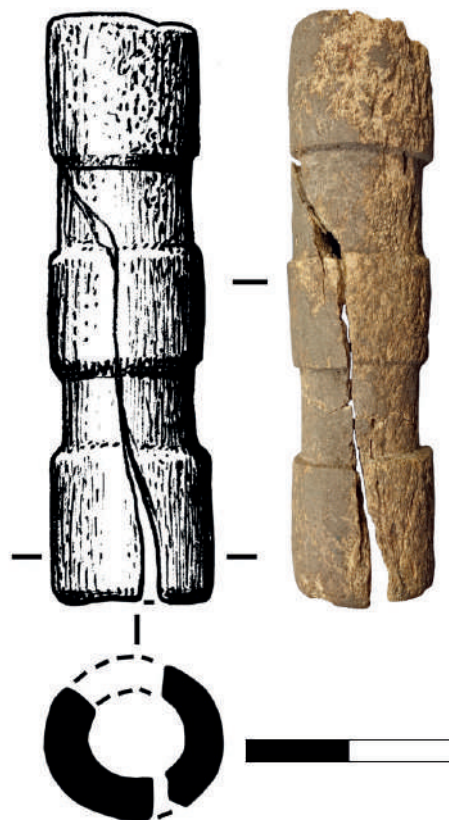

статочно редкие (тесло, шилья, оселок) изделия. Все такие предметы являлись атрибутом сопроводительного инвентаря умерших мужчин. При этом отдельные находки могут рассматриваться как своего рода «социальные маркеры» материальной культуры кочевников. Так, судя по имеющимся данным, наличие

редких железных тесел в погребениях демонстрирует развитые навыки плотницкого дела у отдельных индивидов, имевших при жизни довольно высокий статус в конкретных коллективах.

Отдельную группу предметов составили костяные наконечники стрел (двадцать шесть экземпляров), которые могли использоваться как для охоты, так и в ряде случаев – при ведении боевых действий. В сформированной коллекции встречаются как уже известные, так и специфические модификации, не имеющие точных аналогий в памятниках булан-кобинской культуры. При

этом черешковые наконечники стрел генетически не связаны с косторезными традициями населения пазырыкской культуры Алтая и отражают местное развитие образцов, появившихся в хуннское (II в. до н.э. – I в. н.э.) и сяньбийское (II – первая половина IV в. н.э.) время. Большой процент изделий с многогранным и линзовидным (дуговидным) пером у «карбанцев» обусловлен, с одной стороны, практикой изготовления кровотоков, а с другой – использованием

заготовок из трубчатой кости или грубо обработанных роговых пластин.

В семи захоронениях памятника были обнаружены украшения, изготовленные из разного материала (цветной металл, железо, минералы, кость, раковины). Данные предметы (серьги, бляхи-нашивки, подвески, наконечники, бусины, гривны) входили в состав сопроводительного инвентаря пяти мужчин, одной женщины и одного ребенка. Украшения использовались для декорирования головных уборов, верхней плечевой одежды, а также в качестве элементов прически.

Учитывая показательный характер полученных материалов, а также степень изученности источников, некрополь булан-кобинской культуры Карбан-I в настоящее время является одним из базовых археологических комплексов

раннесяньбийского времени, материалы которого могут привлекаться для этносоциальной и хронологической интерпретации памятников Алтая и сопредельных территорий начала эпохи Великого переселения народов.

Исторические судьбы носителей карбанской традиции остаются неизвестными. Имеющиеся археологические материалы демонстрируют их уход или полную ассимиляцию переселившейся на Алтай около середины V в. н.э. группой населения, которая составила основу при формировании общности раннесредневековых тюрков. Определенно можно утверждать, что элементы карбанской традиции не прослеживаются в погребальной практике скотоводов обозначенного региона, а также сопредельных территорий во второй половине I тыс. н.э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катунь // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 75–82.

Боталов С.Г. Эпоха Великого переселения народов и раннее средневековье Южного Урала (II–VIII века). Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 484 с. (История Южного Урала, т. 4).

Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова Е.И. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. 366 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.

Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Б.и., 1991. Т. 2. С. 54–55.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических иссле-

дований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Марсадолов Л.С. Новые сведения о комплексах эпохи Великого переселения народов из Северо-Западного Алтая (по материалам исследований М.П. Грязнова) // Археология Евразийских степей. 2025. №4. С. 164–173.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С. Алтай в претюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур. Челябинск: Б.и., 2020. 215 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**Николай Николаевич Серегин
Сергей Сергеевич Матренин
Татьяна Сергеевна Паршикова**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АЛТАЕ

Выпуск 1

Публикуется в авторской редакции

Верстка: М.Ю. Кузеванова

*Для оформления обложки использован фотоснимок,
выполненный Н.Н. Серегиным*

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 29.12.2025.

Дата выхода в свет 30.01.2026.

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 4,18. Тираж 40. Заказ 36.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66